

Коменский Ян Амос

Избранные педагогические сочинения

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я60

Я60 **Ян Амос К.**
Избранные педагогические сочинения: Том 3 / Коменский Ян Амос – М.: Книга по Требованию, 2025. – 352 с.

ISBN 978-5-519-90000-3

ISBN 978-5-519-90000-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В этой книге Коменский предлагает, чтобы все дети дошкольного возраста до 6—7 лет обучались: „одно — знать, другое — делать, третье — говорить“¹. И тут же он перечисляет доступные детям дошкольного возраста элементы этих трех видов обучения, подводя их под общепринятые в то время названия наук и искусств.

В области знаний Коменский перечисляет элементы: 1) физики или естествознания в широком смысле слова, 2) оптики, 3) астрономии, 4) географии, 5) хронологии, 6) истории, 7) экономики (хозяйства), 8) политики; в области деятельности — элементы: 1) деятельности ума и языка (диалектика, арифметика, геометрия, музыка), 2) деятельности руки (ручной труд или ремесло и другие упражнения); в области речи — элементы: 1) грамматики, 2) риторики, 3) поэтики².

В „Предвестнике всеобщей мудрости“, захватившем передовые круги Западной Европы того времени, Коменский намечал план создания работы по так называемой пансофии, т. е. всеобщей мудрости: „всеобщей“ — в смысле охвата всего необходимого человеку и в смысле ее доступности для всех людей, для всех слоев населения. Осуществлением этой своей идеи Коменский предполагал содействовать освобождению людей от суеверий и предрассудков и, вместе с тем, от тех раздоров и смятений, которые царили в обществе его времени. По практическому значению Коменский называл „пансофию“ „всеобщей медициной“ для всего больного организма человечества. Эту же идею всестороннего образования юношества Коменский преследовал в 50-х годах XVII в. в своих планах „пансофической“ школы, когда он трудился над созданием образцовой школы в Трансильванском княжестве в Венгрии, в Сарос-Потоке³.

Идею энциклопедического всестороннего образования Коменский стремится внедрить на всех ступенях обучения.

В „Великой Дидактике“ Коменский выдвигает тезис: на всех четырех ступенях образования (в материнской школе, в школе родного языка, в латинской школе и в Академии) „задачи и содержание школьного преподавания должны отличаться не материалом, а формой“⁴. Иначе говоря, Коменский предполагает на каждой ступени обучения ставить перед умственным взором учащихся один и тот же мир природы и общественных отношений, постепенно последовательно углубляя понимание учащимися всего того, что содержится в этом мире.

И „Мир в картинках“ представляет собой по своему содержанию не что иное, как своеобразную энциклопедию, которую Коменский предлагает дать в руки детей дошкольного возраста в семье и на первых шагах обучения в школе.

„Книга, — пишет Коменский, в „Предисловии“, к „Миру в картинках“, — как видите, небольшого объема. Однако она содержит

¹ „Материнская школа“, гл. IV, § 8 (см. Избранные педагогические сочинения Я. А. Коменского, т. II, Учпедгиз, М. 1939).

² Там же, §§ 9—11.

³ См. сочинения, относящиеся к этому периоду, в т. II „Избранных педагогических сочинений Коменского“ в изд. Учпедгиза, М. 1939.

⁴ См. „Великая Дидактика“, гл. XXVII, § 4, Учпедгиз, М. 1939.

краткий обзор всего мира и всего языка (курсив мой. — А. К.) и наполнена рисунками, наименованиями и описаниями предметов". Вот почему и сам Коменский называет свой „Мир в картинках" „энциклопедией видимого мира"

В самом деле, стоит только бегло перелистать книгу, чтобы убедиться в ее энциклопедическом содержании и характере. Начинается книга, по верованиям того времени, с бога и сотворенного им мира, а затем дается описание предметов и явлений мира по схеме, непосредственно примыкающей к аристотелевскому *esse, vivere, sentire, intellegere* — быть, жить, чувствовать, понимать, — от неодушевленной природы — к одушевленной. Неодушевленная природа представлена в девяти картинках (III—XI), растительный мир — в шести картинках (XII—XVII), мир животных — в шестнадцати картинках (XVIII — XXXIV); все остальные картинки посвящены человеку, его происхождению, возрастным ступеням, составным элементам человеческого организма, деятельности людей, моральным свойствам, взаимным отношениям людей в семье, в городской общине, в государстве и в церкви.

С особенной внимательностью и любовью Коменский останавливается на изображении и описании человеческой деятельности. И тут сказывается в авторе глубокий педагог, располагающий материалом в порядке от простого к сложному. На первом плане идут простейшие виды деятельности: садоводство, полеводство и животноводство, а в конце такие сложные виды деятельности, как наука и искусства.

Энциклопедизм имеет у Коменского отчетливый дидактический характер. В „Предвестнике всеобщей мудрости", опубликованном впервые в 1637 г Коменский ставит себе задачу: 1) перечислить в определенном порядке „все, что когда-либо существовало или существует, дабы ничто не ускользнуло от познания"; 2) дать такое описание всего существующего и существовавшего, в котором „было бы измерено и наглядно представлено отношение всех вещей как к целому, так и друг к другу" (курсив мой. — А. К.); 3) дать перечень и описание всего существующего в таком виде, чтобы „все было бы взвешено и с очевидностью доказано, дабы знать точную истину о всех вещах"¹. И тут же Коменский раскрывает смысл и значение трех поставленных задач: „Первое (перечисление всего существующего или когда-либо существовавшего. — А. К.) послужит к тому, чтобы знание стало всеобъемлющим, к чему мы стремимся в первую очередь. Второе (отношение вещей к целому и одной к другой — А. К.) — к тому, чтобы оно стало ясным и отчетливым, и этого мы страстно добиваемся. Третье (доказательность. — А. К.), — чтобы оно стало истинным и прочным, чего мы больше всего жаждем"².

Дидактический характер энциклопедизма Коменского с полной ясностью отражается на построении „Мира в картинках". Как описание каждой отдельной картинки, так и вся книга в целом последовательно развивает перед умственным взором учащихся картину

¹ Я. А. Коменский, Избранные педагогические сочинения, т. II, Учпедгиз, М. 1939, стр. 78.

² Там же.

мира в целом, в котором все находится во взаимной связи и опосредствованиях.

Незримыми и не всегда осязаемыми нитями связаны все 150 картин „Мира“, данные в книге. Кто не поймет и не почувствует этой всепроникающей идеи связности и последовательности в раскрытии мира, тот не поймет всего величия и глубины творческой педагогической работы Коменского над этой книгой.

Идея цельности, связности явлений мира между собой является у Коменского не только результатом господствовавшего в его время стремления к построению картины мира как единого целого, но и выражением им самим продуманного и установленного педагогического мировоззрения. В борьбе со старой схоластической системой обучения Коменский еще в „Великой Дидактике“ рассматривал отрывочность, лоскутность, клочкообразность и несистематичность преподаваемых учащимся знаний, как один из главнейших пороков схоластического образования. Этот порок самым пагубным образом отражался на результатах образования. Вследствие своей отрывочности и несистематичности, даже правильные, но разрозненные знания теряли свое воспитательное влияние на учащихся. Такие знания нелегко укладывались в сознании учащихся, несмотря на царившую в школах зубрежку и довольно высокую, вследствие этого, развитость формальной памяти у учащихся. Вот почему еще в своей „Великой Дидактике“ Коменский выдвинул принцип энциклопедичности знаний в смысле их взаимной связности и последовательности¹.

Своим пониманием энциклопедизма в смысле взаимных связей и опосредствований, объединяющих отдельные части мира и его отражение в детском сознании и в сознании взрослых, Коменский намного опередил своих современников. Он является мыслителем-педагогом, многие идеи которого принимаются нашей современной педагогикой. Таким образом, Коменский поднял на надлежащую принципиальную высоту все содержание образования, всю работу учителей и воспитателей, начиная с дошкольного и первых шагов школьного воспитания и образования.

Когда более чем через сто лет после выхода „Мира в картинках“ появилась аналогичная книга Базедова „Elementarwerk“, Гёте сделал следующее замечание об этой книге: „Мне не нравилось, — пишет Гёте, — что рисунки Базедова в его „Элементарном сочинении“ были еще более разбросаны, чем самые предметы, хотя в действительном мире объединяется только возможное, и потому этот мир, несмотря на его разнообразие и кажущуюся спутанность, всегда имеет во всех своих частях некоторую стройность. Между тем „Элементарное сочинение“ совершенно раздробляет его на мелкие части, ставя рядом, из-за родственности понятий, то, что при взгляде на мир совершенно не сходится; поэтому сочинение это лишено тех чувственно-методических

¹ См. правило III гл. XVII „Великой Дидактики“, правила II, V, VII, VIII гл. XVIII „Великой Дидактики“, правила V — VII гл. XIX „Великой Дидактики“.

преимуществ, которые мы должны признать за соответствующими работами Амоса Коменского¹.

Проходя красной нитью через всю научно-педагогическую работу Коменского, идея энциклопедизма и пансофии нашла свое дидактическое выражение и в принципе концентрического расположения учебного материала на различных ступенях образования. Этот принцип ясно и отчетливо предстает перед нами, когда мы сопоставляем ряд работ Коменского, в особенности его учебники латинского языка и пьесы для разыгрывания учащимися на школьной сцене.

Хейбергер приводит яркий пример такого расположения материала по вопросу о гражданском воспитании в „Мире в картинках“ (СХХХVII), в „Двери языков“ (ХСІ), в „Зале“ (ХСІ) и в „Школе — игре“ (часть VII, акт II, сцена 1). Коротенькие фразы „Мира в картинках“ развертываются в сложные предложения в „Двери языков“, переходят в ряд сложных предложений в „Зале“ а в „Школе — игре“ приобретают характер развернутого диалога между Солоном, Горожаннином и др. собеседниками на тему о реформе государственного устройства в древней Греции².

* * *

Насыщая свой „Мир в картинках“ конкретным содержанием и материалом, доступным внешним органам чувств, Коменский, понятно, не склонен рассматривать свою работу в качестве последней книги для образования и останавливаться только на данных, доступных внешним органам чувств. Свой „Мир в картинках“ Коменский называет „преддверием школы интеллектуальной“. Да и в самой этой книге Коменский выходит далеко за пределы доступного только чувственному опыту, и, наряду с изображением доступного чувственному опыту, он вводит в книгу ряд отвлеченных понятий, например, моральных качеств, справедливости, гуманности и т. п. или понятия науки, государства и т. п. При изображении такого рода понятий Коменский прибегает к символическим или аллегорическим изображениям.

Однако Коменский пошел еще дальше. Он ввел в содержание „Мира чувственных вещей“ и такие понятия, которые уже никак не могут быть отнесены к реальному миру, — понятия метафизического, идеалистического порядка, как бог, душа и ряд понятий из области различных религиозных исповеданий.

Нельзя не отметить, что и среди картин и описаний реального мира у Коменского имеют место и чисто мифические создания фантазии, вроде огненной саламандры.

В некоторых случаях остается непонятным, почему Коменский придерживается устарелых взглядов при описании явлений мира. Так, например, известно, что Коменский прекрасно знал идеи Коперника и Галилея о вращении земли вокруг солнца, и все-таки, при описании неба, он излагает устарелые взгляды о движении солнца вокруг земли.

¹ Гёте, Из моей жизни, Поэзия и правда, ч. III—IV, ГИЗ „Художественная литература“, М. 1937, стр. 177.

² См. Heuberger Anna, Jean Amos Comenius, Paris 1928, p. 168 — 171.

II

„Мир в картинках“ начинается так называемой „живой азбукой“ или „символическим алфавитом“. В этом алфавите буквы представлены наряду с изображением тех живых существ, издаваемых которыми звук обозначается той или иной буквой.

В истории обучения первоначальной грамоте эта азбука Коменского сыграла исключительную роль. Она является родоначальницей всего последующего развития звукового метода обучения грамоте. В „Предисловии к читателю“ Коменский дает очерк новой методики обучения азбуке в противоположность традиционному механическому усвоению алфавита с обычными в его время бесконечными, утомительными и непонятными для детей упражнениями в чтении бессмысленных слогов. Коменский ставит задачу непосредственно после ознакомления с отдельными буквами алфавита переходить к чтению заглавий рисунков, обходя „длинные упражнения в складах, этой тяжелой муки детских умов“, а затем и к чтению текста книги, приложенного к рисункам.

В других своих работах Коменский не только дал идею звукового метода, но и показал конкретно, как следует проводить первые уроки по изучению алфавита.

Во второй сцене III акта 4-й части „Школы — игры“, написанной также в Сарос-Потоке, Коменский описывает процесс обучения по своей „живой азбуке“. Учитель объясняет посетителю школы, что этот процесс происходит приятно и живо и притом в короткий срок: в течение одного месяца дети усваивают весь алфавит. На вопрос посетителя школы, как это происходит, учитель демонстрирует способ ведения занятий с новичками, еще не знающими азбуки и только накануне поступившими в школу, следующим образом:

Учитель. Подойдите, детки, мы позабавимся этой картинкой.

Ученик. Охотно, господин учитель.

Учитель (показывая первую картинку). Что это?

Ученик. Птица.

Учитель. Правильно; но какая птица?

Ученик. Не знаю.

Учитель. А ты?

Другой ученик. Не знаю.

Учитель. Я вам скажу. Это ворон. А ты знаешь, как ворон кричит?

Ученик. Не знаю.

Учитель. Он кричит так: а — а — а. Подражайте.

Ученик. А — а — а.

Учитель. А ты?

Другой ученик. А — а — а.

Учитель. Правильно. А знаешь ты, как этот звук можно изобразить?

Ученик. Не знаю.

Учитель. Никто из вас (не знает)?

Ученик. Никто.

Учитель. Я вас научу. Вот здесь уже есть изображение (А); как только кто-либо из вас увидит в какой бы то ни было книге такое изображение (фигуру), всегда должен произносить (так же как ворон кричит) а—а—а. (NB: Он покажет эту букву (А) в словах на этой же самой таблице, а также велит самим отыскивать (ее), пока они не найдут, то-есть пока не научатся ее узнавать самостоятельно.)

Учитель. Не хотите ли узнать, как ее писать?

Ученики. Хотим.

Учитель. Легко научитесь. Ты, N, сначала, а вы, остальные, смотрите. Вот деревянная палочка для черчения. Возьми ее тремя пальцами правой руки (так) и води ее по верх этой буквы (так). (Этому подражают и остальные. Наконец, учитель). Вот мел, напиши эту самую букву на этой черной доске возле первой (буквы). (Заглядывая, будет делать пробу, всегда повторяя: А, так пишется А, пока не научится, если не точно, то насколько возможно (точно). Так делает и второй и третий; затем учитель). Вот вы уже выучили одну букву. Ты, как скажешь, что ты написал?

Ученик. А.

Учитель. Правильно, хвалю.

В дальнейшей беседе с посетителем учитель говорит, что подобным образом он обучает детей и другим знакам алфавита. На замечание посетителя, что дети могут забыть первые буквы алфавита, пока дойдут до последних, учитель отвечает: „Не могут, ибо следующие буквы мы берем не отдельно, но вместе с предыдущими так: А—В, А—С, С—А и т. д. И после того, как они узнают весь алфавит, постоянно соединяя все буквы одни с другими и произнося их вместе и при письме, так что уже начнут и писать свои имена и хорошо применять буквы к делу: E-g-o, t-u, i-s, P-a-u-l-u-s, P-e-t-r-u-s и т. д.“¹.

III

Еще в „Великой Дидактике“ (гл. XXII, § 3) Коменский с полной отчетливостью установил основной метод изучения языков. „Изучение языков, — писал он там, — должно идти параллельно с изучением вещей, особенно в молодости, чтобы мы усваивали речь постольку, поскольку мы изучаем вещи, чтобы мы учились выражать мысль постольку, поскольку мы понимаем предметы. Ведь мы образовываем людей, а не попугаев ...“ Пропагандируя такой метод, Коменский является первым ярким последовательным реалистом в вопросе об обучении языкам. Главнейший недостаток схоластической школы он видит в том, что там „учат словам ранее вещей ... Между тем как вещь есть сущность, а слово нечто случайное, вещь—это тело, а слово—одежда, вещь—зерно, а слово—кора и шелуха. Следовательно, — заключает Коменский, — то и другое нужно предоставлять человеческому уму одновременно, но сперва — вещь, как объект не только познания, но и речи“².

¹ Veškeré Spisy Jana Amosa Komenského. Svazek IX, v Brně, 1915, p. 269—271.

² „Великая Дидактика“ гл. XVI, 15.

Вот почему в основу первоначального обучения языкам, будет ли то латинский или свой родной язык учащихся, Коменский полагает изучение реального мира. Точное обозначение словами всех главнейших явлений мира и человеческих действий и должно послужить прочной основой как для познания мира, так и для всего последующего развития языка учащихся. Так как книга „Мир в картинках“ предназначалась для обучения двум языкам — латинскому и родному — на одном и том же материале реального мира, то для каждого явления природы или человеческой деятельности в „Мире в картинках“ дана одна и та же картинка, а описание этой картинки представлено в двух параллельно идущих текстах — на латинском и на родном языке учащихся.

По условиям своей деятельности, Коменский избрал в качестве родного языка немецкий язык¹. Понятно, однако, что для каждого народа можно заполнять содержание второй колонки в „Мире в картинках“ текстом на родном языке. Этим и объясняется, что в скором времени после опубликования „Мира в картинках“ эта книга стала появляться с переводом на различные языки. Во многих изданиях эта книга предназначалась и для изучения новых иностранных языков. Поэтому стали появляться издания, в которых параллельно с латинским текстом шли тексты даже на четырех языках.

В кратком, классически оформленном „Предисловии к читателю“ Коменский подводит сенсуалистический фундамент под свое методическое требование — обучать языкам на основе изучения реального чувственного мира.

„Ведь в самом деле, — пишет он, — мы не можем ни действовать, ни говорить разумно, если предварительно не поймем правильно ни того, что нужно делать, ни того, о чем нужно говорить. В нашем же разуме нет ничего такого, чего бы раньше не было в чувствах. Таким образом, старательно упражняя чувства в области правильного восприятия различий, существующих между предметами, мы положим основание и для всей мудрости, и для всего мудрого красноречия, и для всех разумных жизненных действий“.

Этот сенсуалистический вывод Коменский сделал для себя, изучая сочинения Бэкона Веруламского. От него же идет у Коменского и стремление поставить образование на службу удовлетворения человеческих потребностей, на службу развития у учащихся умения действовать в мире и даже преобразовывать его в своих интересах. Вот почему, как мы только что видели, Коменский заботится об основаниях не только „для всей мудрости и для всего мудрого красноречия“, но „и для всех разумных жизненных действий“.

Весьма характерно в этом отношении для Коменского раскрытие им содержания понятия мудрости. В небольшом трактате, написанном

¹ Следует, впрочем, заметить, что немецкий текст „Мира в картинках“ сделан, повидимому, не самим Коменским. По замечанию Паппенгейма, в немецком переводе наблюдаются существенные противоречия с латинским текстом, что и дает основание предполагать для немецкого текста другого автора.

также в Сарос-Потоке, — „О пользе точного наименования вещей“ — Коменский пишет: „Мудрость заключается в обширном, истинном, ясном познании вещей, а не в словах, которые без понимания вещей суть нечто попугайское, звук без смысла“¹. „Если бы ты даже в совершенстве знал свой родной язык, — говорит он, — да еще сверх того латинский, греческий, еврейский и другие, да хотя бы даже все языки мира, все-таки, если тебе недостает понимания вещей, которые лежат в основе слов, ты был бы не более, как попугай, а вовсе не мудрец“².

Полагая в основу изучения языков реальный мир, Коменский раскрывает образовательное значение изучения языков. Такая постановка изучения языков ведет учащихся, во-первых, к весьма тщательному разностороннему изучению мира, обеспечивает их богатым запасом представлений и знаний о мире, во-вторых, при такой постановке изучения языков, учащиеся достигают воплощения в своем языке подлинных, ясных, отчетливых, разносторонних знаний мира и существующих в нем отношений. При этом изучение мира дает толчок развитию языка, и наоборот, усовершенствование языка и речи учащихся в свою очередь изощряет их способности к более тонкой наблюдательности над явлениями реального мира и существующих в нем отношений.

Чтобы подчеркнуть значение для образования человека такого метода изучения языка, следует напомнить взгляды по этому вопросу нашего гениального педагога XIX в., К. Д. Ушинского. Обсуждая аналогичные вопросы в „Предисловии“ к своему сочинению „Человек как предмет воспитания“, К. Д. Ушинский пишет:

„Не оттого ли и самый язык современной литературы уступает в точности и выразительности языку древних, что мы учимся говорить почти единственно из книг и пробавляемся чужими фразами, тогда как слово древнего писателя выросло из его собственной мысли, а мысль — из непосредственного наблюдения над природой, другими людьми и самим собою?.. Язык, конечно, есть один из могущественнейших воспитателей человека; но он не может заменить собою знаний, извлекаемых прямо из наблюдений и опытов. Правда, язык ускоряет и облегчает приобретение таких знаний, но он же может и помешать ему, если внимание человека слишком рано и преимущественно было обращено не на содержание, а на форму мысли, да притом еще мысли чужой, до понимания которой может быть еще и не дорос учащийся. Не уметь хорошо выражать своих мыслей — недостаток; но не иметь самостоятельных мыслей — еще гораздо больший; самостоятельные же мысли вытекают только из самостоятельно приобретенных знаний“³.

¹ Я. А. Коменский, Избранные педагогические сочинения, т. II, Учпедгиз, М. 1939, стр. 221.

² Там же.

³ К. Д. Ушинский, Избранные педагогические сочинения, т. I, Учпедгиз, М. 1939, стр. 385.

* *

Идея „Мира в картинках“ зародилась у Коменского еще при написании им „Великой Дидактики“. В поисках „средства для пробуждения чувств“ у детей дошкольного возраста Коменский намечает план создания „книжки с картинками, которую нужно давать самим детям“. В эту книжку Коменский предполагал включить все главные предметы из физики, оптики, астрономии, геометрии и т. д. „Здесь могут быть нарисованы: гора, долина, дерево, птица, рыбы, конь, бык, овца, человек в различном возрасте, различной величины; затем—свет и мрак, небо с солнцем, луной, звездами, облаками; основные цвета; затем домашние предметы и ремесленные инструменты: горшки, блюда, кружки, молотки, щипцы и пр.; далее—изображение высоких особ, например, царя со скипетром и короной, а также солдата с ружьем, крестьянина с плугом, возницы с повозкой, письмоносеца на дороге, и повсюду все-таки должна быть надпись, что означает каждый предмет: конь, бык, собака, дерево и пр.“¹.

Коменский не без основания останавливается на предметах, доступных зрительным восприятиям, так как правильно рассуждает, что „зрение среди чувств занимает самое выдающееся место“².

Тем не менее мы сделали бы ошибку, если бы стали рассматривать дидактику и методику работы по „Миру в картинках“ исключительно с этой, так сказать, только созерцательной точки зрения. Во-первых, уже заглавие этой книги — „*Orbis sensualium pictus*“, что в переводе означает „Мир чувственных вещей в картинках“, — показывает, что дело здесь идет о предметах, доступных чувственному опыту вообще, а не только зрению, и только формой выражения этого опыта автор избирает зрительное изображение его. Поэтому, строго говоря, распространенное в нашей русской педагогической литературе немецкое заглавие этой книги „*Sichtbare Welt*“ — „Видимый мир“, — если не искажает идею автора, то во всяком случае решительно и незакономерно суживает ее.

Во-вторых, в „Предисловии к читателю“ Коменский с полной отчетливостью раскрывает необходимость в процессе работы с этой книгой пользоваться не только картинками, но и самими предметами и привлекать к восприятию этих предметов другие виды чувств, кроме зрения. „Названные же вещи, — пишет Коменский, — показывайте детям не только на рисунках, но и в реальности, например, члены тела, одежду, книги, дома и предметы домашнего обихода и т. д.“. „Если некоторые вещи, — говорит Коменский далее, — о которых упоминается в этой книге, не могут быть представлены воочию, то было бы очень полезно преподнести их детям в реальности, например, цвета, запахи, которые здесь не могут быть изображены чернилами. Поэтому было бы желательно, чтобы в каждой хорошей школе хранились заранее заготовленные редкие и дома не встречающиеся вещи, дабы всякий

¹ См. „Великая Дидактика“, XXVIII, 25.

² Там же.

Новый метод обучения языку в школах, выдвинутый Коменским, можно себе представить по тому плану, который нашел свое отражение у нас в России в инструкции к первому уставу народных училищ